

# М. Боярский: ВСЯ ЖИЗНЬ КАК У ЛЯ-РОШЕЛИ

Мы встретились с Михаилом Боярским на рождественских каникулах в Питере, в невзрачном четырехэтажном особняке на набережной Мойки близ Дворцовой: «Государственный театр «Венефис». Пролезли через нагроможденные деревянных балок и бетонных плит — ремонт, надо полагать, — увидели егс сидящим на ободранном диване с чашкой чая и с сигаретой в зубах.

— Не появилось ли за эти годы чувство ущербности?

— Меня ни с того, ни с сего сделали нищим, и мне это обидно. Всю жизнь вкалывал, имел и мышцы, и силу воли. И вдруг мне государство говорит, что все, что я заработал, — бумага. Был бы это конкретный человек, я бы его пошел и убил. Что делать теперь? Конечно, у меня огромный багаж. Снял более чем в 60 фильмах, сыграл огромное количество ролей в театре. Но в материальном плане все надо начинать сначала. Проще говоря, денег все-таки нет. А я один мужик в семье, где семь женщин, и не могу позволить себе сейчас закрыться в подвале и писать полгода музыку.

У меня сейчас другие проблемы. Мы отсняли шесть серий фильма «Двадцать лет спустя» — той же командой. А сейчас сроки сдачи картины истекли. Музыку Дунаевский так до сих пор и пишет, режиссер заболел и уехал делать операцию в Штаты, фильм будет монтировать неизвестно кто. Из шести серий будет сделано две, чтобы рассчитаться с долгами хозяйню фильма. Дело доходит до своеобразного рикета: Дунаевскому уже грозили сжечь дачу, если он не закончит начатое.

— Что может вас удивить в этой жизни?

— Дети мои меня бесконечно удивляют. Каждый божий день. Лиза... Рисует удивительно. За семнадцать секунд — шаржи на меня, на маму, на бабушку.

— А если бы Лиза сказала: папа, я пойду рисовать портреты за деньги к Гостиному двору?

— Я бы ее сразу туда отвел, но она еще совсем маленькая — шесть лет всего.

— Есть ли что-нибудь, чего вы сегодня боитесь?

— Боюсь насилия к своим детям. А общеглобальная проблема для людей в нашей стране заключается в одном: уехать или остаться.

— Вы могли бы жить где-нибудь еще, кроме Санкт-Петербурга?

— Если бы где-нибудь, кроме Питера, оказалась моя семья, друзья, я мог бы жить и там.



Главное — люди, а не конкретные набережные, хотя это, конечно, тоже немаловажно. Но об этом я вспоминаю только вне Санкт-Петербурга — тогда действительно тянет назад. А когда сидишь здесь... Вот вчера в Неве и в Мойке поднялась вода. А я живу на первом этаже. Имеет смысл подумать, стоит ли жить с крысами в Санкт-Петербурге или без крыс — где-нибудь в другом симпатичном месте.

— Что для вас значит «заграница»?

— Магазин.

— Вам ни разу не хотелось задержаться в этом «магазине»?

— Я человек настроения. Иногда встанешь, думаешь: «Хватит! В этой стране больше жить нельзя. Увезти детей, отдать в колледж, чтобы стали полноценными людьми. На себе можно поставить крест, пойти в дворники». А потом: «Господи, а что мне нужно? Тряпки эти дурацкие, машины? Ведь есть то самое русское поле...» Смешные проблемы, от которых они там на стенку лезут. Трахнул кого-то Кеннеди или не трахнул? Нет, ребята, жить, конечно же, нужно здесь, где вырос. Супермаркеты, компьютеры — это здорово, но мне туда не надо.

— Вы смогли бы играть перед «их» публикой?

— Спектакли, конечно. Я бы пришел со своей культурой и чувствовал бы себя, как рыба в воде. А если пытаться быть похожим на них, ничего не получится. Делать что-то а-ля западное — все равно, что им играть пьесу про ленинградские подворотни. «Доктор Живаго» — это чудо-

вищно. Я почти убежден, что ни один западный актер не сможет сыграть Достоевского. Потому только, что ни один из них не знает, что такое крысы, вонь, подворотни, нищенство.

— Козаков уехал. «Виртуозы Москвы» испанцев раду-ют...

— Это мужественные люди. Уезжать надо — кто может, у кого есть силы. Патриотизм, Родина? Это все глупости. Патриотизм их в том, что они вывозят своих детей...

— Но это же эгоизм!

— Старик, это красивые слова.

— Ну почему же...

— Мужики, вы что, коммунисты? Есть земной шар, нужно спасать культуру.

— Боярскому нужна публика. Но ведь и публике нужен Боярский.

— Да кому он, к черту, нужен! Если бы артисты были нужны, их берегли бы. Вспомните Леночку Соловей. Вспомните мощное существо, великодушная актриса, кинозвезда. Ей невозможно здесь жить. Она не может стоять за картошкой, пешком ходить в театр Ленсовета. И — все! Она уже в Нью-Йорке! Уедут все. Еще немножко.

— Но есть же вещи поважнее картошки.

— Если бы я был один, я бы отсюда шагу не сделал. Мне, кроме водки, пива и компании, ничего не нужно. И бани грязной — потому, что в чистой мыться неинтересно. У нас ведь баня — это полуресторан мужской. Генерал, полковник, алкоголь — у всех все в складчину. И наши женщины отсюда обязательно уедут — мы их материально не удовлетворяем. И самые красивые бабы сегодня — валютные проститутки. Ну что я могу своей жене предложить при всей моей безумной любви к ней? Взять с собой на гастроли в Штаты, чтобы со мной вкалывала в ужасных условиях? Куда я могу отвести своих детей? Ни-ку-да! Во время прогулки в новогоднюю ночь я взял с собой оружие: мало ли что случится. Да, да, пистолет. Газовый. В Германии купил. Как провез? Все, что угодно, можно провезти, было бы желание.

— Мне не хочется уезжать, но ведь доведут! Буду мыть посуду.

— Поздравляем...

— Да, это будет ужасно, я там с ума сойду, сопьюсь или повешусь. Но по крайней мере детей вывезу.

— Вы уверены, что у вас никогда не будет хорошо?

— Никогда. В дальнейшем будет все хуже и хуже.

— Есть такое понятие:

быть в ладах с самим собой...

— Я всегда с собой в ладах. Я человек пьющий, неуравновешенный. После пьянки вообще боюсь жить на свете.

— Может, это — профессиональная болезнь?

— Нет, это скорее зависит от склада характера. Для меня это проблема номер один. Самое прекрасное состояние — когда я с друзьями, на работе. Когда работы нет — я совсем потерял. Руками делать ничего не умею: как капот у машины открывается, забываю, какую кнопку на магнитофоне нажать, не знаю. Единственное, что я умею делать профессионально, — это пить. Водку достану где угодно.

— Как-то легко вы о таких вещах рассказываете...

— То, что я пью давно и здорово, все знают. Я вообще неизменяемый.

— Даже на съемках?

— Две вещи сразу делать не умею: или пить, или работать. Пьяный человек на экране сразу заметен. Правда, для совсем неисправимых есть выход — озвучивание.

— Все-таки трудно поверить, что вы ни разу не выпили в кадре.

— Клянусь! Да и реквизиторы — люди строгие, следят за тем, чтобы в «питейных» сценах вся выпивка была бутылочная. Помню, снимали завтрак под пулями в Ля-Рошели. Реквизиторы положили третьесортную редиску, двух давно усопших куриц, грязные немые фрукты. И — сок в бутылках из-под Бургундского. Мы четвером обиделись и поставили в бойницы бутылки с водкой! Начали репетировать. Когда отрепетировали по третьей, пришел режиссер, а мы говорим, что через двадцать лет непременно увидимся снова. Ему ужасно понравилось. Мы продолжали репетировать, и курица пошла в ход и редиска. Съемка была окончена.

— Вас интересует мнение других людей о себе?

— Не-а! Обо мне — плевать. Мне важно мнение о моей работе. Я давно привык, что я многоженец, что у меня дети на стороне, что я болен сифилисом. Что я за человек разносторонний такой!

— Жить-то долго собираетесь?

— Да хватит, уже сорок два. Надо же модно умереть.

— А как же сын?

— Только это и держит.

— Михаил, а вообще, как жизнь?

— Удалась.

С. БРИЛЕВ,  
Ст. КУЧЕР.

Маскало-миска тира - 11 мев - с 5